

В. А. Коршунков

Вятский государственный университет, Киров

**ЛЮБОВНЫЙ НАПИТОК С ЧЕМЕРИЦЕЙ:
КАК ВЯТСКАЯ КРЕСТЬЯНКА В 1799 ГОДУ
МУЖА ЧУТЬ НЕ УМОРИЛА**

1. Поение травой

В Государственном архиве Кировской области, в фонде Вятской губернской палаты суда и расправы, хранится дело 1799 г., тогда же озаглавленное: «Дело по доношению Нолинского уездного суда, о крестьянской женке Мавре Осиповой дочери (так! — *В. К.*) Гущиной, в поении мужа своего травой» [ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 471]¹.

Нолинск (или, как в этих документах, Ноли) — уездный городок Вятской губернии, а ныне — районный центр Кировской области. В тех краях жила эта «женка» и ее близкие. Дело сначала разбиралось в инстанциях Нолинска, а затем поступило наверх, в Вятку.

Обвинялась не одна только Мавра Осиповна Гущина. Вместе с нею привлекли к ответственности и крестьянскую девку Акулину (иначе: Акилину) Мартыновну Машарову, которая, согласно показаниям Гущиной, дала той смертоносную траву. К счастью, муж Мавры, Варлам Герасимович Гущин, выжил: спустя месяц он «находится жив и ходит» (Л. 60б.). Поэтому судили их не за убийство.

Приведу здесь отрывки из присланной в Вятку «выписки, učinенной в Нолинском уездном суде», в которой вкратце излагается суть дела. Орфографию и пунктуацию даю в приближенном к современному виде.

Началось все 15 марта 1799 г., когда крестьянин Герасим Гущин, отец Варлама, представил в мирской двор сноху свою Мавру. Герасим утверждал, что она дала своему мужу Варламу выпить пива

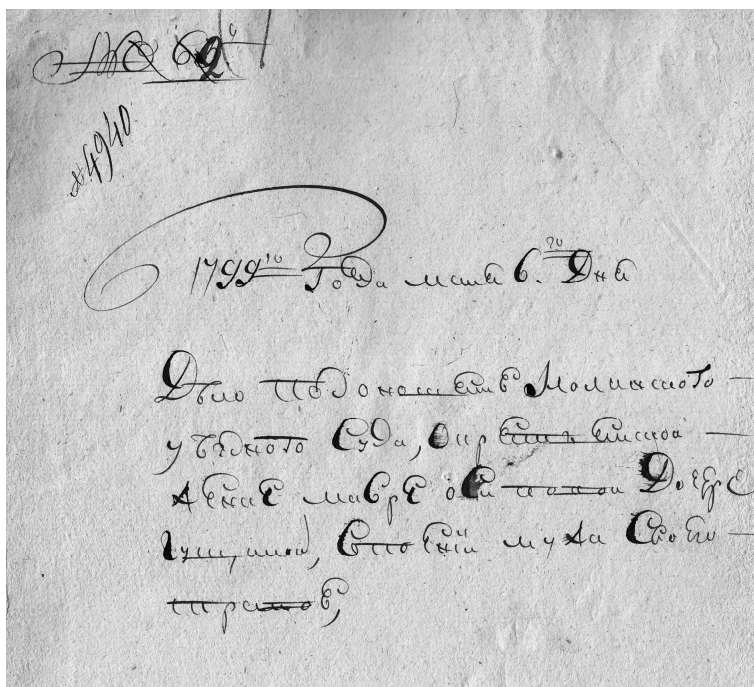
¹ В дальнейшем ссылки на листы этого дела приводятся прямо в тексте, в скобках.

с какой-то травой, от чего тот «находится при своем доме в тягчайшей болезни и к выздоровлению не благонадежен» (Л. 2).

Рисунок 1. Обложка архивного дела

(Гос. архив Кировской обл. Ф. 1. Оп. 2. Д. 471).

Надпись: «1799-го года мая 6-го дня. Дело по доношению Нолинского уездного суда, о крестьянской женке Мавре Осиповой дочери Гущиной, в поении мужа своего травой».

Через три дня лекарь и мирские люди освидетельствовали Варлама: «(...) Оной Варлам имеет колотье в животе, сопряженное с лихорадкою. Но сомнительно, де, чтобы оное могло произойти от опою неведомо какой травы, потому что оной травы налицо не оказалось. И по сему, де, и судить заочно о ней не можно, столь ли она была ядовита, чтобы возмогла действием своим приключать вышеозначенные болезненные припадки» (Л. 2об.).

На следующий день после осмотра больного, 19 марта, допросили саму Мавру.

2. Версия женки Мавры

«А 19 марта Нолинской округи ясашной Стретенской волости починка По речке Сосновке ясашного крестьянина Варлама Гущина жена Мавра Осипова в отраве ею означенного мужа своего в Нолинском земском суде допрашивана и показала.

Маврой ее зовут, родная дочь крестьянина Ботылинской волости деревни Голиков Осипа Прилукова. От роду ей 20 лет. На исповеди и у святого причастия от роду своего ни разу не бывала. В замужество вышла она за реченного Варлама добровольно, сего 799 года прошедшим мясосятием, на сплошной неделе в пяток, чему минуло толко недель с пять. Мужа ж своего напоила она в пиве на 15 число месяца марта ночью травую, не с намерением, чтоб ево тою травую умертвить, но сие учинила по глупости своей таким образом. Хотя во первых после свадьбы с тем своим мужем она жила согласно и ласково до первой недели Великого поста и он ей ни на словах, ни делом никаких обид и притиснений не чинивал, равно до сего времени и домашние не делали ж. А на той первой неделе муж ее подрал за уши, сказав, что сие он ей чинит за то, что с ним она мало говорит. Из чего и взяла она сомнение, что он ее не очень любит. И для того в бытность ее в городе Нолях в первое поста воскресенье, на базаре, сошедшись с прежнею своею подрушкою, крестьянина Мартына Машарова дочерию, девкою Акулиной на улице наедине, и между разговоров ей сказала, что муж с нею живет не очень ласково. Которая, де, ей на то отвечала, что у нее есть такая трава, когда оную дать в чем-нибудь напитокца, то любить ее муж будет. И обещала оную ей дать, сказывая, что она называется чемерицею, которую она Окулина ей в бытность на второй неделе Великого поста, но которого дня, не упомнит, у своего отца родного в гостях, в вышеупоминаемой деревне Голиках, на улице, завернутую в тряпке, наедине и дала. После чего с нею разошлись. И потом вскоре воротилась она Мавра в дом мужа. И, ночевав толко со оным одну ночь, при наступлении другой, в сумерки, когда уже затемнело и огня еще не было, попросил ее муж пить, то она, пошедши за пивом и при налитии онаго в ковш, высыпала ту траву всю, ибо оной было весьма мало и то истертая в мелкой порошок, похожей по цвету на табак, но сзелена. И более у нее травы той нисколко не осталось. Коего пива по выпитии муж ее часа чрез

два сделался внутренностию болен, а прежде того был здоров и толко что тем вечером приехал из лесу с лучиною. А поутру, узнав свекор ее от мужа, что он крайне сделался болен, по сказанию ево, будто бы от выпития пива, при питии коего чувствовал он, что был в нем какой-то сор, то и объявил в мирском дворе. А потом, по прошению своего свекра, села Стретенского священник Мокей Лошкин мужа ее исповедал и приобщил святых тайн. Напредь сего убивств, воровства и других преступлений никаких она не чинивала и под судом ни за что не бывала» (Л. 2об.—4).

Позднее Мавра дополнила свои показания: оказывается, муж ее «по недопитию пива отдал оное выпить брату своему, которого также вырвало и которой теперь жив и здоров» (Л. 6об.). Некоторая доза отравы, таким образом, пришлась на стороннего человека. Муж Мавры мог бы получить из рук жены и побольше этой гадости, но обошлось — «жив и ходит».

Тогда же, 19 марта, в Нолинске допросили и Акулину.

3. Версия девки Акулины

«А оговорная оною женкою Маврою девка Акулина в земском суде допросом изъяснила.

Акулиной ее зовут, крестьянина деревни Голиков Мартына Машарова дочь, девка. От роду ей 18 лет, на исповеди и у святого причастия у духовного своего отца Петра Сушкова ни разу с роду своего не бывала. Что она сего года в марте месяце на второй неделе Великого поста и никогда крестьянской женке Мавре Осиповой, по муже Гущиной, в своем селении и нигде никакой травы для отравы или опою мужа ее Варлама, чтоб ее впредь любил, не давала. И будучи в первое воскресенье Великого поста в городе Нолях на базаре, о даче таковой травы ей Мавре обещания не толко не делала, но с нею нигде тогда не саживались и не видались. Да и в своей деревне с ней Маврой в бытность ее у отца в гостях нигде не видалась же. Да и в девках будучи, она Мавра с ней короткого знакомства не имела, ибо живут друг от друга в неблизком разстоянии, чрез целое почти селение по концам» (Л. 4—4об.).

Поскольку Акулина ни в чем не сознавалась, то ей в тот же день устроили очную ставку с Маврой. Акулина и там запиралась. Она, дескать, вообще Мавру не знает.

Похоже, Мавра делала все, чтоб доказать свое знакомство с Акулиной и подтвердить свою версию. Во время очной ставки она припомнила, что один мужик проходил мимо них, когда они встретились на деревенской улице и Мавра получала от Акулины траву. Сам факт их знакомства могла бы подтвердить двоюродная сестра Акулины, которая, дескать, видела, как они вместе стирали белье (Л. 4об.).

Сосед Акулины Семен Марков подтвердил: действительно, во время Великого поста, когда Мавра гостила у отца своего Осипа, вел он как-то раз по улице лошадь и заметил стоящих поодаль Мавру с Акулиной. «(...) Но что они говорили или делали, не всмотрелся, кроме того, что Акилина имела с собою водоносные ведра лужении. Осиповой снаружи никаких вещей не приметил, исключая имеющейся на ней одежды» (Л. 5).

Двоюродная сестра Акулины Катерина Мосеева (Моисеева) не засвидетельствовала знакомства Акулины с Маврой: мол, не видала, как они вместе белье мыли, не бывала при том мытье и вообще не знает, сходились ли те для разговору (Л. 5–5об.).

4. Версия следствия и суда

Итак, и сама Акулина, и ее родственница Катерина Мосеева все отрицали. Это никак не проясняло дела. Тогда провели «повальный обыск», т. е. опрос всех, кто хоть что-либо знал об обвиняемых. Обратились к крестьянам тех деревень, где жили Мавра и Акулина.

Соседи отвечали так: «(...) крестьянская женка Мавра Осипова дочь поведения замечена добраго и напредь сего в штрафах и подозрениях и наказаниях не бывала». В замужество взята «ныняшнего году прошедшим мясоедом на Сплошной неделе». А вот те, кто знал Мавру девкой, когда она жила в одной деревне с Акулиной, про них обеих поведали кое-что любопытное: «(...) но по слуху и по подозрительным обращениям замечены они в блудодействе с разными людьми, но за то по невыимке и по необъявлению ни от кого суждены нигде не были и доказать совершенно в том по неимению явных улик не могут, кроме слуху (...)» (Л. 5об.–6).

Дело было заведено в Нолинском нижнем земском суде. Затем, 29 апреля, его рассмотрели в Нолинском уездном суде.

Мавре прописали плети. Вина же Акулины ничем не была доказана (Л. 13об.–14).

Решение о необходимости наказать Мавру пояснялось следующим образом: что это была чемерица, известно только с ее слов. Хотя муж остался жив, «но от такового ее суеверия естли б вместо чемерицы дал ей кто-нибудь какое-либо другое едовитое вещество, то б она, как видно, по глупости своей, конечно, и оно мужу своему для привлечения изъясненной себе любви выпить или съесть дала, а через оно, не зная действия вещества того, сделалась причиною смерти ево» (Л. 13об.).

Чуть позже, в мае того же года, решение Нолинского уездного суда подтвердили и в Вятке. Мавру было «велено наказать плетми и отдать в жительство» (Л. 19). Акулина ни в чем не созналась, даже в знакомстве с Маврой. Потому «по непризнанию ея и по недоказательству» повелели отдать ее на поруки (Л. 1).

5. Нерадивые прихожанки

Обе обвиняемые признались, что ни разу в жизни не бывали на исповеди и у причастия.

Между тем, в свои 18 и 20 лет они уже неоднократно должны были бы исповедоваться и уж тем более — причащаться. Люди ходили к исповеди и причастию хотя бы единожды в год, перед Пасхой. И государственная власть требовала этого от своих подданных православного вероисповедания.

В указах Петра I и Анны Иоанновны, которые были подтверждены указом Екатерины II от 30 сентября 1765 г., говорилось о необходимости «исповедываться и Святых Таин приобщаться по всягодно» [ПСЗ 1830 (17): 346–347]. И позднее, в указе Павла I от 18 января 1801 г. «О наказывании людей Грекороссийского вероисповедания за уклонение от исповеди и Святого причастия, вместо денежного штрафа, церковным покаянием» содержалось требование, «чтоб всяк хотя единожды в год непременно сего исполнял» [ПСЗ 1830 (26): 523]². Особенное внимание властей к этому вопросу объяснялось не только желанием узнавать

² Прочие государственные установления, определявшие порядок исповедования, причащения и наказаний за уклонение от них, см.: [ПСЗ 1830 (42/1): 797–798].

о тайных помыслах подданных (начиная с Петровского времени, священники, как известно, должны были доносить о противозаконных деяниях, которые могли быть открыты при исповеди). На протяжении первой половины и середины XVIII в. шла ожесточенная борьба государства с расколом, и если кто-либо не желал приходить к попам на исповедь и к причастию, то он мог оказаться явным или тайным раскольником. Раскольников же в судебных тяжбах не считали возможным привлекать в качестве свидетелей. Соответственно, 17 декабря 1745 г. было принято постановление Сената «О праве подсудимых отводить свидетелей, не бывших три года у исповеди и Святого причастия» [ПСЗ 1830 (12): 487–488]. Кроме того, исповедь и причастие (наряду с ношением креста и посещением церкви) в обыденном сознании той эпохи означали непричастность к колдовству [Смилянская 2003: 130–131].

Первое причастие происходит уже при крещении младенца. И Мавра, и Акулина, разумеется, получили должное причащение в младенчестве. Когда они признавались, будто «от роду своего ни разу» у причастия и исповеди не бывали, то имели в виду — в сознательном возрасте. Церковь определяла семилетний возраст как рубеж, когда наступает ответственность человека за свои поступки. После можно было не только причащать, но также исповедовать. Государственная власть, дисциплинируя подданных в их отношении к исповеди и причастию, также указывала, что это должны делать все люди «от седми и до самых престарелых лет» [ПСЗ 1830 (17): 346]³. А 22 декабря 1785 г. был принят указ Екатерины II «О дозволении малолетним, коим минуло 14 лет, просить Попечителей, по прошествии же от роду 17 лет вступить самим в управление имения, но прежде 21 года не продавать и не закладывать оное без согласия Попечителей». Там говорилось определенно: «Малолетнему по прошествии от роду 17 лет вступать в совершеннолетство», причем это касалось

³ Когда Б. Н. Миронов писал о юридически определяемом возрасте вменяемости, то, приводя сведения о церковном отношении к этой проблеме, он отмечал: Церковь допускала к покаянию и причастию с 7 лет [Миронов 2003 (2): 22]. Очевидно, в этом Миронов следовал тексту императорских указов. Однако такие формулировки не учитываю-т причащения в момент крещения младенца.

людей обоего пола [ПСЗ 1830 (22): 502]. Заметно, что и 14-летие тоже было важной вехой юридически определяемого взросления. Указ этот касался дворянских детей, но, по логике тогдашнего законодательства, его формулировки можно было применять и к иным ситуациям. Из него следует, что, имея от роду 18 или 20 лет, человек вполне мог отвечать за себя и к исповеди и к причастию обязан был являться⁴.

В это время действовали губернские совестные суды. Они создавались по инициативе Екатерины II начиная с 1775 г. как специальные учреждения для суда над теми обвиняемыми, которые оказывались людьми малолетними или безумными. Туда же поступали дела по преступлениям, совершенным в состоянии аффекта, случайно, неумышленно или по стечению обстоятельств. Разбирать дела полагалось в соответствии с «естественным правом», милосердно, учитывая смягчающие обстоятельства, стремясь не столько покарать, сколько примирить [ПСЗ 1830 (20): 233, 278–279; Слободянюк 2004: 117–118]. В 1787 г. Вятский совестный суд разбирал дело о малолетнем крепостном из г. Уржума, который бежал из дома хозяина от побоев. Когда выяснилось, что парню не 16, а 18 лет, то дело передали в другую инстанцию — Вятский уголовный суд [ГАКО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 69–70, 78, 80об.–83]. Вероятно, именно 17-летие было расценено как рубеж, после которого наступает совершеннолетие и прекращается подсудность совестному суду.

Еще два дела из практики Вятского совестного суда за тот же 1787 г. показывают отношение к возрасту совершеннолетия, а заодно к посещению исповеди и причастья. «Крестьянский сын» знал о том, где скрывались беглые рекруты, но властям не донес. Этот случай рассматривался в совестном суде, поскольку «от роду ему пятнадцатой год». Меж тем, мальчик «на исповеди и причастья святых таин бывал» [ГАКО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 91]. Другой малолетний вместе с двумя товарищами напал на прохожего, избил его и отнял имущество. Был ему «шестнадцатой год», «а на исповеди и причастья святых таин бывал» [ГАКО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 97об.].

⁴ Иные указы, определявшие возрастные сроки совершеннолетия и ответственности в различных случаях, см. [ПСЗ 1830 (42/1): 225–227].

Позднее, 29 ноября 1818 г., Правительствующий Сенат подтвердил, что «малолетство» продолжается вплоть до 17 лет (а не до 15, как решили было смоленские чиновники при разборе одного дела, проконсультировавшись с местной консисторией). Соответственно, и подсудность совестному суду простиралась до этого возраста [ПСЗ 1830 (35): 623–624].

Насколько строго следили за тем, регулярно ли народ исповедуется и причащается, видно по некоторым вятским архивным делам. В 1783 г. епископ Вятский и Великопермский Лаврентий разослал по уездным духовным правлениям распоряжение, требуя подготовить и прислать реестры о тех, кто не ходил к исповеди и причастию во время прошлогоднего Великого поста. На них нужно было наложить взыскание [ГАКО. Ф. 1326. Оп. 1. Д. 49]. А в 1787 г. Вятский совестный суд рассматривал дело о принуждении к исповеди и причастию. Поступило сообщение, что двух человек священники к этому не принуждали. Стали разбираться. Оказалось, что оба у исповеди бывают вроде бы исправно, а вот к причастию действительно не ходят [ГАКО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 135–135об.].

В 1793 г. Вятский совестный суд рассматривал дело по обвинению дворцового крестьянина Михайлы Балобанова и его жены Авдотьи. Эти пожилые люди якобы знали «волшебную науку», произносили «похвальные слова к порчению людей», а баба к тому же летала сорокой. Было установлено, что она и на исповедь приходит, и к причастию. А вот он «у исповеди бывает ежегодно, а святых тайн не приобщался» [ГАКО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 204. Л. 5–5об.].

И спустя четверть века после истории с чемерицей, в 1825 г., было заведено «дело по отношению Вятской духовной консистории о небывших у исповеди и причастия прихожанах и о наложении на них церковного наказания». Местный епископ, ссылаясь на указ 1801 г., конкретизировал церковное вразумление таким людям: кто не бывал у исповеди и причастия один год — тому по воскресеньям и праздничным дням бить в церкви сто земных поклонов, кто два года — тому двести, кто три — триста и т. д. Прodelывать это нерадивые прихожане должны были «под смотрением духовных их отцов и полиции». Покуда они не отбудут наказания, их нельзя было никуда отпускать из жительства. И затем

надлежало взять у них подписку, что больше так поступать они не станут [ГАКО. Ф. 583. Оп. 602. Д. 940].

Среди тех законов, по которым намеревались судить Мавру и Акулину, разыскали упомянутый выше указ 1765 г., который предусматривал: если какие-либо люди не бывали на исповеди и у святого причастия сверх трехлетнего времени, «а в расколе не окажутся», то их следует подвергать публичному церковному покаянию молитвою и постом. Следователи специально интересовались, не состоят ли Мавра и Акулина в расколе [Л. 7об., 14, 19].

Таким образом, подозреваемые были не из «инородцев» и не из старообрядцев. И притом вовсе не ходили к «духовному своему отцу». В итоге им было назначено «исправление духовное». Обоих поместили под церковный надзор.

6. Трава чемерица

Чемерица — род многолетних травянистых растений, который широко распространен в России. Особенно часто встречается чемерица Лобеля или, иначе, чемерица обыкновенная — *Veratrum lobelianum* Bernh. И этот вид, и близкородственные ему растения предпочитают влажные места. Судя по всему, этим словом народ обозначал множество разнообразных трав, даже не слишком сходных с ботанической точки зрения (см.: [Анненков (сост.) 1878: 373–374, 508–509]).

Л. И. Маршева, исследуя микротопоним *Чемеришник* (название поросшей травой сырой котловины у с. Истобного Чаплыгинского района Липецкой области), предположила, что он происходит от основы *чемерик-* (или *чемерих-*), т. е. в конечном счете от названия чемерицы — *чемерика* (или *чемериха*) [Маршева 1999].

Чемерицы, относящиеся к семейству мелантиевые (*Melanthiaceae*), весьма ядовиты, и это отмечают все справочники. Вот как сказано о чемерице Лобеля в книге о применяемых человеком дикоросах Русского Севера: «Растение очень ядовито, два грамма свежих корней составляют смертельную дозу для лошади». А ее стебель, в заваренном и подслащенном виде, вызывает «повальную гибель мух» [Скляров [б.г.]: 167]. Соответственно, в наше время рекомендуется употреблять это растение разве что для наружного применения: «Чемерицу Лобеля используют только наружно — в виде спиртовой настойки как болеутоляющее сред-

ство при невралгии, артритах и ревматизме» [Задорожный и др. 1992: 382]. Иногда, как и в прошлом, ею пытаются лечить кожные болезни, вроде чесотки. Из-за своей ядовитости чемерица способна выводить паразитов. Для животных она может служить рвотным. Все манипуляции при заготовке и обработке чемерицы требуют большой осторожности, потому что даже вдыхание этой травы, измельченной в порошок, вызывает раздражение дыхательных путей, глаз и слизистой оболочки: «Ничтожное количество пыли чемеричного корня вызывает сильнейшее чихание и слезотечение». От вдыхания такого порошка может происходить и кровотечение из носа [Гром, Шупинская 1973: 66]. А из семян сабадиллы — также из семейства мелантиевых, растущей в Центральной и Южной Америке, немцы накануне Первой мировой войны изготовили «слезоточивый и чихательный газ» [Астахова 1977: 125]. При отравлении чемерицей у человека проявляются следующие симптомы: выделение слюны и слез, насморк, тошнота, рвота, понос, гипотония, брадикардия, головокружение, расстройство зрения, судороги — вплоть до смерти [Астахова 1977: 126; Завражнов и др. 1994: 121]. Известен случай отравления целого семейства, когда сушеными листьями чемерицы «поперчили» суп. Описано также смертельное отравление спиртовой настойкой чемерицы [Астахова 1977: 126].

Так что поданный с пивом порошок в самом деле был очень опасен.

7. Чемер и чихотка

Н. И. Анненков указывал, что название *чемерица* — «взятое от болезни “Чемер”» [Анненков (сост.) 1878: 373, прим.]. В. И. Даль помещал слово *чемерица* в словарную статью «Чемер». Значит, он считал, что наименование травы происходит от существительного *чемер*. Таким словом называли макушку головы; чуб, вихор, хохол, а также определенные виды болезненных ощущений. Это могла быть болезнь конская или же «болезнь человечья, головная боль; боль в животе, иногда с поносом и рвотой; либо острая поясничная боль». Выражение *сорвать чемер* использовалось для обозначения лечения: «Кладут голову больного на полено, обвиняют неск[олько] волос вокруг пальца и дергают сильно разом, или прикусывают их у корня, чтобы хрустнуло». Если кто-либо

хватал другого за волосы, тот мог отозваться репликой: «Аль тебя чемер сорвать позвали?». Согласно Далю, на Псковщине и в Тверской губернии словом *чемера* (с ударением на последнем слоге) называли «одуряющий табак из багуна» [Даль 1956 (4): 589]. Хотя *багун* — это народное название вереска, но ясно, что и чемерица использовалась для приготовления зелья, которое можно было использовать вместо табака. В справочнике Л. А. Уткина отмечено, что русские сибиряки чемерицу Лобеля добавляли к табаку: «Траву распаривают, варят, затем высушенную в порошке присыпают к нюхательному табаку для чиханья»; «Траву варят и парят, затем высушивают и в виде порошка подсыпают к нюхательному табаку для крепости и для чиханья. (...) Трава горькая, как табак» [Уткин 1931: 26, 68]. Недаром ее в народе называли также «чихотной травой».

Сведения о таком применении чемерицы можно найти в русской литературе. В очерке «Еврей в России: несколько замечаний по еврейскому вопросу» (1883) Н. С. Лесков писал: «Отставной солдат (...) открывал самую мелкую, но ходовую фабрикацию табаку, т. е. крошил “дубек-самокраше” и тер в глиняном горшке нюхательный “пертюнец” или “прочухрай”, подмешивая к нему для веса — чистой золы, а для букета и для крепости — *доброй русской чемерицы*». А в рассказе А. П. Чехова «Психопаты» (1885) один из героев восклицал: «Да, и Франция не утерпит... она, брат, еще не забыла пять миллиардов! Она, брат... эти, брат, французы себе на уме! Того только и ждут, чтоб Бисмарку фернапиксу задать да *в табакерку его чемерицы насыпать*» (курсив мой. — В. К.). И. Г. Добродомов, комментируя Чехова и ссылаясь на различные словари русского языка, приводил еще несколько примеров из художественной литературы — авторства А. А. Бестужева-Марлинского, Н. В. Гоголя и В. Н. Никитина. По ним тоже видно, что чемерицу (*чемерку*) или, в просторечии, *чихотку* некогда употребляли подобно табаку [Добродомов 1987: 112–114].

Итак, *чихотку*, т. е. чемерицу, нюхали, как табак. Изготовленный из нее порошок действительно производит чихание и слезотечение. Когда же нюхательный табак вышел из моды, то курить стали и заморское зелье — табак, и эту местную отраву.

Как и авторы XIX в. — Анненков и Даль, — специалисты по этимологии тоже производят слово *чемерица* от *чемер*. И *чемер* ‘яд’, и *чемерь* ‘растение чемерица’ известны в древнерусском языке с XII в. Однокоренные слова хорошо представлены во многих славянских языках, а также в балтийских и германских. Некоторые производные слова обозначают неприятный, горький вкус и яд. Производными от того же корня бывают названия вредоносных персонажей народной мифологии [ЭСРЯ: 62; Фасмер 4: 331–332; ЭССЯ 4: 51–54; Топоров 1985: 152–153]. Н. И. Толстой, детально изучивший эту лексику, заметил, что *чемер* «может считаться особым мифологическим персонажем, лишенным определенного внешнего облика и ипостасей, отдельных атрибутов и локуса, т. е. излюбленного места пребывания и излюбленного времени действия, характерных занятий и привычек, функций и направленности действия, особых контактов с человеком, т. е. почти всех признаков, которые характерны для большинства мифологических персонажей (...). Единственным признаком *чемера* является имя или название и прикрепленность его к конкретному виду малых текстов — к проклятиям» [Толстой 1995: 285].

Описание растения «черемица» содержится в одном из древнерусских травников, который был опубликован А. В. Баловым (см.: [Ипполитова 2008: 30, прим. 28]). Это, конечно же, и есть чемерица, в названии которой произошла перестановка согласных — это явление отмечено также в народных ее наименованиях, употреблявшихся, к примеру, у русских жителей Прикамья и Сибири [Крылов 1876: 100, Уткин 1931: 91].

8. Чемерица на Вятке и в окрестных землях

В Вятском крае (в усеченном виде это нынешняя Кировская область) чемерицы чаще встречаются на востоке [Казиков 1963: 94] и на севере [Полуянов 1981: 96; Лекарственные растения 1984: 116].

В начале 1930-х гг. в Нолинском районе (неподалеку от того самого места, где жили герои архивной истории), по наблюдениям местного краеведа, собирали и продавали на базарах немало разных лекарственных трав. Однако в составленном тогда перечне этих трав чемерицы нет [Беднягин 1931].

Из опубликованной в 1848 г. статьи академика К. А. Мейера о флоре Вятского края, озаглавленной по-латыни и написанной по-немецки, явствует, что в те годы вятские крестьяне активно использовали несколько видов чемериц. Сушеный и истолченный в порошок корень чемерицы Лобеля вдыхали при обмороках и головокружении. Вываренный в воде корень чемерицы белой прикладывали к коже против чесотки. Знали, что чемерица лесная действует опьяняющим образом и при этом вредна для скота (см.: [Буш 1894: 354, 358, 360]).

На Вятке, судя по сведениям, собранным в 1960-х гг. студентами и преподавателями Кировского пединститута (ныне — Вятского государственного университета), чемерицу могли также, в соответствии с особенностями говора, называть *чемерицей*. В Кайском районе это растение определяли как «сорняк наподобие осоки, трубочки как у кукурузы». В Халтуринском районе (ныне — Орловском) собирателям поясняли, что это высокая трава, длиной от полуметра до метра, очень ядовитая, раньше ее употребляли вместо табака: «Старики всё чемерицу брали на табак. Крепка она очень». А в Нолинском районе слово женского рода *чемеря* обозначало «картофельный суп, заправленный мукой» [Картотека, s. v. «Чемерица», «Чемерича», «Чемеря»].

Итак, в Вятском крае чемерицу Лобеля (и другие растения, называвшиеся *чемерицей*) хорошо знали. Однако в недавно вышедшем большом своде «Флора Вятского края» отмечено, что чемерица Лобеля встречается «оч[ень] редко» [Тарасова 2007: 207]. Такое заявление весьма странно. И в соседнем Прикамье, по свидетельству П. Н. Крылова, чемерица во второй половине XIX в. принадлежала к наиболее употребительным травам. В деревнях она была известна почти каждому [Крылов 1876: 11].

Судя по уже опубликованным данным, в некоторых местах России (в том числе на Вятке, в Прикамье и в Нижегородчине) и Украины (на Черниговщине и Черкасщине) *чемером* также называли макушку головы, темя, вихор, чуб, хохол, косу [Даль 1956 (4): 589; ЭССЯ 4: 52–53; Толстой 1995: 283–285]. Эти сведения подкрепляются и уточняются данными из Картотеки словаря вятских говоров: *чемер*, а чаще *чемерь* — это ‘волосы выше лба и на макушке головы; чуб, челка; вихор; вообще: волосы’ (Картотека, s. v. «Чемер», «Чемерь»). Н. И. Толстой, который специально

исследовал этот вопрос, делает вывод: «Семантическая цепочка развития значений вплоть до вихра волос не вызывает особых сомнений. Ее можно представить следующим образом: болезнь живота (от отравления и т. п.) → болезнь вообще → болезнь головы → место на голове, где лечится болезнь головы. Последний семантический шаг может пониматься как метонимический перенос значения» [Толстой 1995: 284]. Кажется, нужно принимать в расчет и то, как чемерица Лобеля выглядит. Верхушка растения представляет собой длинную метелку (с маленькими незрчными цветками), притом, что растение высокое — до полутора-двух метров: «Местами чемерица (...) так обильна и растет настолько густо, что в предрассветном тумане кажется, будто стоит войско» [Гром, Шупинская 1973: 64]. Вероятно, такая метелка напоминала чуб на голове человека.

Академик И. И. Лепехин, проехавший весной и летом 1771 г. от Тюмени до Архангельска, неоднократно отмечал на своем пути среди прочей растительности чемерицу. Она «по мокрым местам изобиловала» на северо-востоке Вятского края, между г. Каем и г. Слободским. Перед тем, на пути от Тюмени к Уральским горам, как заметил Лепехин, чемерица (или «чихотная трава») занимала «потовые места». По его словам, «из корня (...) крестьяне делают конское лекарство». Смешивая с кормом, снадобье дают лошадям и таким образом «очищают они внутренность лошадей». А в связи с путешествием от Великого Устюга к Архангельску Лепехин писал: «В каждом доме у крестьянина бывает запас *чемеричного корня*, которым они лечат свой скот весною от угрей, которые не иное что суть, как зародыши овода, в великом множестве здесь водящегося. Сим корнем, истолченным в муку, присыпают они расковыренные угри и тем умерщвляют червяков. (...) Когда сей корень, по их примечанию, довольно имеет силы к умерщвлению червей, под кожею находящихся, то из сего сделано заключение, что он полезен должен быть и от внутренних червей, коих мы глистами называем и коим малолетные особливо подвержены бывают. Таким малолетным детям до половины золотника дают чемеричного корня, смешенного с медом сырцом (...). Хотя сие в прочем весьма пряное и ядовитое средство кажется; однако крепкой крестьянских детей желудок дальнего вреда от него не чувствует» ([Полное собрание

ученых путешествий 1822: 186, 59–60, 294–295]; курсив автора. — *В. К.*).

То, что сильнодействующее ядовитое средство из чемерицы крестьяне в XVIII в. давали детям, похоже на правду. Так в более поздние времена поступали и сибиряки, которые давали детям настой корней чемерицы Лобеля «от сердца», зная, однако, что из-за этого случается понос и рвота. Они же отваривали в молоке корень и травянистые части чемерицы Лобеля и по одной рюмке давали этот отвар при лечении золотухи (которая тоже обычно бывает у детей) [Уткин 1931: 20, 48].

В принципе, в народной медицине вполне могут использоваться ядовитые растения. Исследовательница народной медицины украинского Полесья отмечала такую особенность: местные жители активно применяют для лечения ядовитые растения (в том числе чемерицу) [Игнатенко (Колодюк) 2010]. В соседнем с Вяткой Прикамье чемерицу использовали не только наружно, но иной раз и внутрь — при глистах, запое и даже при отравлении. Причем давали немалые дозы, так что с больными случались сильная рвота и понос [Крылов 1876: 100]. Но сильнодействующие растительные яды употребляли внутри все же нечасто.

Итак, даже само название травы чемерицы связано со словами, указывающими на болезненные проявления, в том числе на боли в животе. И это неспроста: чемерица действительно ядовита. Однако ей находилось применение. Ею выводили насекомых-паразитов. Мужики курили ее взамен табака, она одурманивала, «забирала», была «крепкой». А в народной медицине разные виды чемериц преимущественно использовали для лечения наружных кожных болезней. Для внутреннего же применения она, в общем, непригодна — ею можно отравиться. Попытки такого применения бывали. Но, кажется, в этих случаях люди, использовавшие чемерицу, хорошо понимали, что передозировка очень опасна.

9. Любовный приворот?

У нас нет оснований подозревать Мавру или Акулину в том, что кто-либо из них перепутал зелья, подав смертоносную чемерицу вместо какой-нибудь невинной травки. Мавра определенно заявила, что это была чемерица. Она и не пыталась оправ-

дываться указанием на возможную путаницу. Кроме того, чемерица Лобеля (да и другие чемерицы) — обычное растение в Вятском крае и окрестностях, и крестьяне с нею хорошо знакомы.

Если в этом случае чемерицу использовали не вместо какого-нибудь другого снадобья, а прямо по назначению, то по какому именно? Возможно, что коварная Мавра хотела погубить, извести нелюбимого мужа. Казалось бы, в качестве любовного снадобья, как на том настаивала Мавра, эту траву можно было применять только уж совсем по недомыслию. В решении Нолинского уездного суда вроде бы предусмотрена такая возможность: мол, «по глупости своей», она, конечно, не только чемерицу, но и иное что-нибудь могла подать в питье несчастному Варламу.

И все же, могли ли чемерицу употреблять в качестве приворога?

Парни прибегали к магическим действиям, чтобы пользоваться успехом у баб и девок, девушки — чтобы парни их ценили и сватались почаще. А замужние женщины действительно стремились таким способом восстановить мир в семье: чтобы муж был добрым, любил и не рукоприкладствовал. Обычно любовная магия состояла в том, что человеку, на которого она была направлена, нужно было тайком от него подать с пищей или питьем что-либо, связанное с другим человеком: когда мужчина вкусит каплю пота, менструальной крови, грудного молока или воды, которой женщина омылась, то и привяжется. Если использовали травы, то, как правило, такие, название которых ассоциировалось с любовными отношениями или «прилипанием» — *любисток*, *лепок*, либо же приятные, красивые, используемые для украшения (см.: [Смилянская 2003: 182; Топорков 2004: 154–158]).

Типичным при таких действиях было произнесение заговора⁵. Жаль, что в нашем случае следствие этим не интересовалось.

⁵ Ср.: «Кульминацией в магическом ритуальном действе был момент, когда, обычно *уединенно*, ворожей совершал *превращение соли, воска, сухой травы или воды* (реже — иного) в волшебный объект, обладавший заданной магической силой. В этом *превращении* слово и магическое действие дополняли друг друга, и “слову” (*наговоренному шепотом, потаенно*) принадлежала в магическом ритуале специфическая роль, отличающая заговор от других форм речи: заговоры должны были обладать той таинственной силой, которая обеспечивала коммуни-

Мог ли порошок из сильнодействующего и весьма ядовитого растения применяться для любовного приворота? Казалось бы, это невозможно. Но есть одно важное обстоятельство.

Любовная магия была направлена на то, чтоб внедрить в человека *тоску*. Тоска понималась как нечто внешнее. Она, попав в тело жертвы, сушит и томит, не дает покоя. Это тяжкая напасть, которая действует на человека разрушительно. Человеку становится *тошно*. В старинных лечебниках *тоской* могли называть тошноту или боль в желудке, причем все это ассоциировалось со стеснением сердца. И в качестве лекарства «от тоски» предлагали зелье, прочищающее желудок. По сути, это разновидность порчи. Недаром *тоской* страдали кликуши [Топорков 2005: 153–182; Топорков 2015].

Как писала Е. Б. Смилянская, «магию подозревали везде, где *чувство* выходило из подчинения *разума*». По ее наблюдениям, «магическое сознание склонно объяснять “злым помыслом” не только *душевную одержимость*, сопровождающую любовную страсть, но и *болезнь физическую*» ([Смилянская 2003: 179, 181]; курсив автора. — В. К.). А. С. Лавров заметил: «Совершенно очевидно, что любовная магия воспринималась как “черная”, отреченная» [Лавров 2000: 93].

Завладеть человеком тоска могла, например, вот как.

Осенью 1850 г. жившая в починке Лобачевском Глазовского уезда Вятской губернии крестьянская девка Палагея Мокрушина, 23-х лет, приболела и вскоре сообразила, что ее «испортил» сосед Михаил Коробейников. По ее версии, он подлил какого-то снадобья в «яровой кисель». Правда, тогда угостилось несколько человек, и остальные ничего такого не ощущали. Все же, как было записано со слов пострадавшей, «лишь только поела она этого киселя, то в то же время почувствовала болезнь во внутренности своей и объята была *несносною тоской*» [ГАКО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 237. Л. 3об.; см. тж.: ГАКО. Ф. 237. Оп. 154. Д. 1045]. Спустя некоторое время сидела она у себя дома на печи. Туда пришел Коробейников, чтоб лечить наговорами какую-то их

кативную связь с миром сверхъестественным (в черной магии — с демонами) и влияла на действия субъектов потустороннего мира (святых или демонов)» ([Смилянская 2003: 108]; курсив автора. — В. К.).

родственницу. Вот тут-то Палагея и сообразила, что он был чародеем! А он, закончив с той бабой, расположился на полатах. Вот ее показания в пересказе чиновников: «⟨...⟩ Коробейников, лежавши на полатах кверху лицом, читал какую-то длинную речь, которая заключалась в том, чтоб напустить на нее Палагею *тоску*. И во время чтения дотрагивался бывшею в руках его лучиною до левого ея боку. Из всей речи она по тяжкой болезни помнит, что только он призывал всех ветров и духов для того, чтоб они напустили на нее *несносную по нем тоску*. И лишь только он кончил речь свою, то она задрожала всем телом, а болезнь жестоце прежнего начала свирепствовать, и во внутренности у ней появились какие-то животные, которые безпрестанно трапещутся и причиняют *давление сердца* до того, что она еле переносит» ([ГАКО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 237. Л. 4–4об.]; курсив мой. — В. К.). Палагея утверждала, что он уже прежде домогался ее: основывала она «подозрение свое в испорчении ее Коробейниковым на том, что он ранее сего имел виды склонить ее к прелюбодеянию с ним, но так как она от сего уклонялась, то он, выдавая себя за чародея, каковым и действительно есть, не смотрев на ея несогласие, надеялся склонить к сему чародейством, а в противном случае напустить болезнь» [ГАКО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 237. Л. 5–5об.].

Далее оказалось, что животные, которые завелись в нее в утробе, — бесы. У Палагеи открылась способность вещания не своим голосом. К ней стали отовсюду приходиться люди, которым голос давал предсказания, и они платили семейству Палагеи деньгами и съестным. Она вместе с домашними приехала из своего починка в г. Вятку и поселилась там. И только в 1853 г., после вмешательства самого губернатора, кликушу наказали за ложный донос на Коробейникова: прописали ей розог и водворили по месту жительства.

Но началось-то все с внутренней болезни. Немолодая по тогдашним меркам девушка подозревала, что женатый сосед мог ее вожделеть. И почувствовала она ту самую тоску, которую навели колдовскими манипуляциями, когда хотели кого-либо к себе приворожить. Тоска была ощутима как тяжкая болезнь, началось все подобно отравлению. В конце концов, Палагея стала кликушествовать.

Значит, снадобье, отравлявшее человека, могло вызывать *тоску* — состояние, которое считалось первейшим признаком любовного приворота. Не для того ли Мавра применила сильнодействующий порошок из чемерицы — ядовитого и целебного растения, хорошо знакомого людям XVIII в.?

Литература

- Астахова 1977 — В. Г. Астахова. Загадки ядовитых растений. М.: Лесная промышленность, 1977.
- Беднягин 1931 — А. Беднягин. Народные лекарственные растения Нолинского района // Нижегородское краеведение 7–8, 1931. С. 26–29.
- Буш 1894 — Н. Буш. Народная медицина в Вятской губернии. Вятка, 1894. (Отд. оттиск из «Календаря Вятской губернии на 1895 г.»).
- Гром, Шупинская 1973 — И. И. Гром, М. Д. Шупинская. Дары природы. М.: Медицина, 1973.
- Добродомов 1987 — И. Г. Добродомов. Читая А. П. Чехова и словари... (Фендрик, чемерица, мантифолия) // Ю. И. Чайкина (отв. ред.). Дialeктное и просторечное слово в диахронии и синхронии: Межвуз. сб. науч. тр. Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1987. С. 110–117.
- Завражнов и др. 1994 — В. И. Завражнов, Р. И. Китаева, К. Ф. Хмелев. Лекарственные растения: лечебное и профилактическое применение. 4-е изд., испр. и доп. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994.
- Задорожный и др. 1992 — А. М. Задорожный, А. Г. Кошкин, С. Я. Соколов, А. И. Шретер. Справочник по лекарственным растениям. 2-е изд. М.: Экология, 1992.
- Игнатенко (Колодюк) 2010 — И. В. Игнатенко (Колодюк). Лекарственные растения в народной медицине украинцев Полесья (по полевым этнографическим материалам) // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН VI, 1, 2010. С. 200–213.
- Ипполитова 2008 — А. Б. Ипполитова. Русские рукописные травники XVII–XVIII вв.: Исследование фольклора и этноботаники. М.: Индрик, 2008.
- Казаков 1963 — М. П. Казаков. Лекарственные растения Кировской области, их заготовка и применение. Киров: Б.и., 1963.
- Крылов 1876 — П. Крылов. О народных лекарственных растениях, употребляемых в Пермской губернии. Казань: Имп. Казанский университет, 1876 [Труды Общества естествоиспытателей при Имп. Казанском ун-те. Т. 5. Вып. 2].

- Лавров 2000 — А. С. Лавров. Колдовство и религия в России: 1700–1740 гг. М.: Древлехранилище, 2000.
- Лекарственные растения 1984 — Г. Н. Луппова, И. Я. Новоселов (сост.). Лекарственные растения Кировской области. Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, 1984.
- Маршева 1999 — Л. И. Маршева. Об этимологии одного микропонима // М. Э. Рут (отв. ред.). Русская диалектная этимология: Тез. докладов Третьего науч. совещания. 21–23 окт. 1999 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 39–41.
- Миронов 2003 — Б. Н. Миронов. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1–2. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
- Полное собрание ученых путешествий 1822 — Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею наук, по предложению ея президента: С примечаниями, изъяснениями и дополнениями. Т. 5: Окончание Записок путешествия академика Лепехина. СПб.: При Имп. академии наук, 1822.
- Полюянов 1981 — К. К. Полюянов. Лекарственные растения. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1981.
- Скляров [б.г.] — Э. Л. Скляров. Съедобные и лекарственные дикие растения Русского Севера. Архангельск: Б.и., б.г.
- Слободянюк 2004 — И. П. Слободянюк. Реформа судебной системы в России в период «просвещенного абсолютизма» // Ю. С. Пивоваров (гл. ред.). История судебных учреждений в России: Сб. обзоров и рефератов. М.: ИНИОН РАН; Рос. академия правосудия, 2004. С. 94–126.
- Смилянская 2003 — Е. Б. Смилянская. Волшебники. Богохульники. Еретики: Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М.: Индрик, 2003.
- Тарасова 2007 — Е. М. Тарасова. Флора Вятского края. Ч. 1: Сосудистые растения. Киров: Киров. обл. тип., 2007.
- Толстой 1995 — Н. И. Толстой. *Чемер* // Н. И. Толстой. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 280–286.
- Топорков 2004 — А. Л. Топорков. Любовная магия // Н. И. Толстой (ред.). Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 154–158.
- Топорков 2005 — А. Л. Топорков. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв.: История, символика, поэтика. М.: Индрик, 2005.
- Топорков 2015 — А. Л. Топорков. «*Лежит доска, на ней тоска*»: Тоска в любовных заговорах // Русская речь 3, 2015. С. 114–120.

- Топоров 1985 — В. Н. Топоров. Из хеттско-лувийской этимологии: Теофорное имя *Katrušepa* // О. Н. Трубачев (отв. ред.). Этимология. 1983. М.: Наука, 1985. С. 146–160.
- Уткин 1931 — Л. А. Уткин. Народные лекарственные растения Сибири. М. — Л.: Гос. науч.-технич. изд-во, 1931.

Источники

- Анненков (сост.) 1878 — Н. И. Анненков (сост.). Ботанический словарь. Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. Новое испр., пополн. и расшир. изд. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1878.
- ГАКО — Государственный архив Кировской области.
- Даль 1956 — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956.
- Картотека — Картотека словаря вятских говоров (Вятский государственный университет).
- ПСЗ 1830 — Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. 1–42. [СПб.:] Тип. II отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
- Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. 3-е изд., стер. СПб.: Terra-Азбука, 1996.
- ЭСРЯ — А. Преображенский (сост.). Этимологический словарь русского языка. Вып. последний: Тело–Ящур. М. — Л.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1949.
- ЭССЯ — О. Н. Трубачев (ред.). Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М.: Наука, 1974–... (продолжающееся издание).